Наруаки усмехнулся: "Поверьте мне, господин. Это не то, что я унаследовала, а скорее развила".

"Не надо на меня ополчаться". Минато нахмурился: "Вы должны были защищать меня и быть на моей стороне!" Он нахмурился на Наруаки: "Я твой отец". А я - твой лучший друг!"

"Это не делает тебя менее глупым". сухо заметил Соскэ, а Наруаки ухмыльнулся.

"Так мы будем спарринговать или нет?" раздраженно спросил Минато.

Рука Наруаки тут же потянулась к рукояти меча на спине, когда он заметил, что у Соскэ тоже есть меч. Он сузил глаза, но Минато остановил его, прежде чем младший успел сделать какие-либо предположения. "Ты будешь драться со мной. Соскэ здесь только для того, чтобы наблюдать".

Наруаки замолчал и посмотрел на отца, приподняв бровь. На мгновение его глаза стали острыми, а на губах появилась медленная ухмылка. "Это будет интересно".

Минато сузил глаза в ответ, его поведение стало серьезным и внимательным.

"Позволь мне кое-что тебе сказать". Наруаки прошептал, усаживаясь в стойку, его рука по-прежнему лежала на рукояти меча: "Все, что можешь ты, могу и я. Расенган... - он пренебрежительно махнул рукой, - я знаю его с тринадцати лет. Вызов лягушек - то же самое, хотя я уверен, что больше не могу их вызывать. Однако, поскольку я был связан с ними ранее и они не объявили меня врагом, они не могут причинить мне вреда". А Хирайшин... - ухмылка его расширилась, - это просто кусок пирога".

Минато взглянул на Соскэ, не удивившись тому, что генерал выпрямился в полный рост при виде признания Наруаки. Он снова посмотрел на сына, его глаза сияли, а губы кривились в ухмылке. "Это не все, что я знаю, мальчик... Это лишь несколько вещей, которыми я славлюсь". Он отбросил чувство гордости, которое грозило захлестнуть его.

Расенган в тринадцать лет. Как это замечательно... его сын был маленьким вундеркиндом.

"Ну, - проворчал Наруаки, - ты тоже мало что обо мне знаешь". Он ухмыльнулся, и в их ушах раздался резкий звук выхватываемого меча.

Отец и сын ухмыльнулись, а затем их формы расплылись, и они стали двигаться с впечатляющей скоростью.

Минато был готов к тому, что ему придется нелегко в бою с сыном-меченосцем. В свое время он был АНБУ, а все АНБУ обучались основам кендзюцу.

Все началось просто, настолько просто, насколько это вообще возможно между двумя высококвалифицированными противниками. Ни один из них не уступил ни дюйма. Выносливость и сила Наруаки в сочетании с почти ослепительной скоростью ошеломили бы многих, но Минато реагировал инстинктивно и легко.

Наруаки потребуется гораздо больше, чтобы заставить его попотеть.

Младший блондин на мгновение замер, глядя на Минато сияющими голубыми глазами, а затем выпрямился. "Похоже, ты серьезно". Он прошептал, прежде чем все эмоции и жизнь исчезли с его лица.

Медленно и грациозно он опустился в стойку, его глаза сузились и стали расчетливыми. Он сменил хватку меча и сделал небольшой шаг вперед.

Затем он исчез.

"Замечательно". подумал Минато, успев вовремя среагировать и поймать меч Наруаки своим. 'Это явно не по силам даже юному Хаятэ'. Он проанализировал, как Наруаки держит оборону. Минато ухмыльнулся и сделал кувырок в тот момент, когда Наруаки упал на землю, его меч превратился в белое пятно, когда он двинулся, чтобы повредить ноги Йондайме.

Наруаки поднял бровь, пораженный такой быстрой реакцией. Последний трюк был авантюрой, и он провалился; теперь ему предстояло защищаться.

Его отец не был слабаком.

По всей тренировочной площадке разносились громкие звуки встречи стали со сталью. Было ясно, что ситуация безвыходная. Наруаки, хоть и владел мечом, не был мастером кендзюцу. Соскэ видел, что ему нужно больше практики. Его техника была эффективна против любителей и таких людей, как Йондайме, которые слабо владели мечом, но мастера кендзюцу победили бы его, это потребовало бы усилий и концентрации, но они бы победили его.

"Давайте проверим это, хорошо?" пробормотал Минато, доставая свиток из подсумка с кунаем. Глаза Наруаки сузились, когда он увидел кандзи, а затем он зашипел и укусил себя за большой палец, прикоснувшись окровавленными пальцами к нескольким невидимым печатям на своем теле.

И тут же его тело стало легче и подвижнее.

Как раз вовремя, поскольку вся поляна теперь была усеяна знакомыми кунаями. Наруаки почувствовал, что его губы подрагивают. Он мог бы использовать и Хирайшин, но это лишило бы смысла всю битву. Его отец должен был узнать, насколько он искусен, а этого не произойдет, если они будут продолжать танцевать.

Фирменная техника его отца поражала воображение. Совсем другое дело - исполнять ее и наблюдать. Это было величайшее достижение его отца, и от его исполнения захватывало дух. Не было никаких предупреждений. Ничто не могло уследить за движениями отца. Сложное пространственно-временное дзютсу было почти непостижимо для тех, кто не умел его выполнять.

Перемещаясь из одного места в другое в мгновение ока и не оставляя после себя практически никаких следов, перемещения отца невозможно было предугадать.

Разумеется, Наруаки реагировал инстинктивно. Его тело слишком привыкло к поединкам на таких высоких скоростях. Однако ему было хорошо известно, что скорость Хирайшина увеличивается с течением времени.

И это действительно так. Вскоре техника его отца превзошла природную, с таким трудом добытую скорость Наруаки. Несмотря на неминуемое поражение, которое младший Намикадзе уже видел в будущем, он наслаждался собой. Он ухмылялся, в его глазах горел дразнящий зловещий огонек. Пока он пытался угнаться за постоянными неуловимыми вспышками движения и стали, пальцы его незанятой руки начали подергиваться. У Наруаки в рукаве были не только Фууин-дзюцу и Кен-дзюцу.

"Катон: Цунами но Дзюцу".

http://tl.rulate.ru/book/101001/3470032